

Разговор по душам

Видеть суть сквозь детали

Когда читаю стихи Ивана Попова, верю в будущее поэзии Магнитки

Мой сегодняшний собеседник скоро отметит тридцатилетие, и это отличный повод встретиться с ним в литературной гостиной «Магнитогорского металла».

Причём Иван Попов интересен не только как мастер слова и образа. Говорят, поэзия больше того, кого она выбрала своим проводником. Но верно и другое: поэт всегда личность, иначе – какой из него проводник... И это в полной мере можно отнести к Ивану, – впрочем, он предпочитает более неформальное обращение.

– Вань, помнишь своё первое стихотворение? Что подтолкнуло к его написанию?

– Первый текст – назвать это стихотворением язык не повернётся – я написал в тринадцать лет. Он назывался «Дракула-2005», поскольку основным импульсом к творчеству служили песни группы «Король и шут».

– А какая музыка важна для тебя сейчас?

– Из русскоязычного – концептуальный проект Виктор Аргонов Project и фэнтези-музикл «Последнее испытание», из зарубежных (в которых текст играет роль) – Avantasia и My Dying Bride.

– Был ли момент осознания, что ты – поэт, в высоком смысле слова, а не просто иногда можешь что-то написать в рифму?

– Юрий Ильясов, магнитогорский поэт, товарищ отца, убедил меня, что я поэт, – и с годами я сумел с этим примириться...

– Да, не могу не спросить... Детям великих трудно избежать подражательства, но тебе удалось. Когда ты начинал писать, сознательно старался быть «не как папа», поэт Борис Попов, или эта непохожесть получилась сама собой?

– Говоря откровенно, мне ближе творчество отчима – Юрия Ильясова. Однако я горжусь и отцом, и тем, что вектор наших устремлений оказался общим – поэзия.

– Есть у тебя или у других поэтические тексты, о которых ты можешь сказать: это обо мне (мой портрет)?

– Стихотворение Шарля Бодлера «Путешествие».

– Впечатляет! А кто ещё твои любимые поэты?

– Владимир Соловьёв из старших символистов, Тобиас Заммет – автор текстов и вокалист немецкой группы Avantasia.

– Иногда поэты меняют кожу, как змеи, – приходит время перемен. У тебя было такое?

– Момент кардинальной смены стилистики произошёл в 2011 году во многом благодаря знакомству с творчеством магнитогорского автора Алексея Ковалева.

– Чем оно зацепило?

– В том, что писал тогда Коваль, чувствовалась некая стихийная мощь, правда жизни, превосходящая правду самого автора.

– Вань, я не раз слышала, как здорово ты читаешь свои тексты, – в утренних поэтических передачах, которые несколько лет назад вёл Артём Чуриков на ТВ-ИН, на Дне поэзии у Татьяны Таяновой и не только. Без модного нынче надрывного эмоционального, но с выверенными интонациями. Как ты выработал эту узнаваемую манеру чтения?

– Она сложилась сама собой в процессе публичных выступлений и не единожды подвергалась критике как «излишне спокойная». Но поскольку мои стихи служат не описанию эмоций, а «констатации фактов», попытке проанализировать те самые эмоции, то декламировать иначе мне кажется неуместным.

– О вдохновении. Лучше пишется, когда всё в жизни отлично или когда плохо и тоскливо? Задумывался ли ты, что для тебя становится импульсом к написанию стихов?

– Не совсем понимаю, что имеется в виду под словом «вдохновение». Для меня стимулом к творчеству становится пересечение «рабочего настроения» и потребности высказаться. Каждое мое стихотворение – это подвергнутое осмыслению цепочка эмоций, в лаконичной форме изложенный вывод.

– Много ли работаешь над текстом? Допустим, стихотворение уже сложилось, – будешь что-то менять, если увидишь недочёт?

– Работа над каждым текстом – стандартно три четверостишия – занимает от четырёх до десяти часов, поскольку написание и редакция проводятся одновременно. Сознательно не «забегаю вперёд» до тех пор, пока текст не начинает меня полностью устраивать, но временами оставляю работу над «проблемными местами» на следующий день, чтобы оценить свежим взглядом.

– Кто первым видит твои новые стихи?

– Моя мать Светлана Гладкова.

– Если неискушённый читатель заинтересовался поэзией, чьи стихи ты посоветовал бы ему для начала?

– Евгения Евтушенко: он пишет простым языком о простых, но близких, важных и понятных каждому вещах.

– Возвращаясь к твоим стихам – они ведь не для неискушённых. Для кого ты пишешь?

– Для людей, которые предпочитают мыслить от общего к частному и видят суть сквозь детали.

Елена Лещинская

Иван Попов

Справка «ММ»

Иван Борисович Попов – российский поэт. Родился 27 сентября 1991 года, живёт в Магнитогорске. Автор трёх книг: «Осколок декаданса» (2008 год, 12+), «Сказки Синего Ника» (2013, 12+), «Двойственность Бытия» (2018, 12+).

Лауреат премии Президента Российской Федерации по поддержке талантливой молодёжи (2008). Участник очного тура «Филатов Феста» в Москве (2019), победитель Международного творческого конкурса современных поэтов имени Тараса Шевченко (2021), лауреат Международной премии «Янтарный самородок» в номинации «Поэзия» (2021).

Произведения Ивана Попова опубликованы в интернет-журнале молодых писателей России «Пролог», журнале поэзии «Буквица», международном поэтическом интернет-альманахе «45-я параллель», на сайте международного литературного клуба «ИнтерЛит», в зарубежных, российских, областных поэтических альманахах.

Поэзия

Иван Попов

Алиса выходит из дома, чтобы увидеть Кролика – Чёрного или Белого, покажет её безумие. Оставив в прихожей шарики, Алиса встаёт на ролики. Рассветная улица выглядит как жертва любви Везувия. Кажется, март в разгаре последние года три – Но вместо зайцев всё чаще встречаются упыри, Впадающие в неистовство при виде проточных вен, Которые есть – по сути – метафоры перемен. Ровно к полудню Абсурд достигает пика. С кладбища начинают звучать тамтамы. Из подвальной пивной выплывает дама, – Кажется, что червей, но вместо сердца – пика. И только Улыбка, зависнув над городом, позволяет Удерживать равновесие на поверхности плоской. Закатное солнце свечным огоньком пылает – И ночь накрывает Землю застывшим воском.

Элегия № 437411

Говорить о тебе – всё равно, что ловить на лету Серафимов: снаряды из перьев и воли Господней. Это – вязкое чувство, которым – с другим нарядом, – Как сейчас, никогда не бывал я ещё преисполнен. Невозможность молчать повергает в безудержный шок – Это свежая грань восприятия минималиста. Говорить о тебе – как считать, что исконно лишён Права речи, – но резко начать лепетать и молиться. Это – нежная боль и свинцовая лёгкость побед, Опостылевший стук неотступного шага удачи И отрадный укус немоты – говорить о тебе, Безупречной – на долю секунды – как солнечный зайчик.

Элегия № 437564

Потёмок вуаль надрезал крошечный свет. В чертогах мороза утварь пленил пожар. Потомок Адама Господа в Ад низверг, Чтob Дьявол повторно к сердцу Его прижал. Не то чтобы время в душах читать «Ура», Но время обильно ветви облечь листвою: Когда за вратами Райа – дорога в Рай, Ты столь омертвел, что более чем живой. Выходят на бис актёры истекших лет, Клянутся на Книге Памяти жить всегда... Вонзается в горло радужных снов стилет – И сердце его плоды принимает в дар.

«Это свежая грань восприятия минималиста...»

Элегия № 614825

То ли хранитель твердыни и вправду незряч, То ли осаду за помощь союзника принял – Только громоздкие ставни сменяет не зря Иго цветистое окон витражных отныне. Беглый правитель, поспешно покинувший трон, Жаждет услышать отрадные вести из дома, Где на добро отвечать научились добром Милостью новой царицы мирского престола. Пишет ночами послания, ставит печать. Снова сжигает – и скорбно пускает по ветру, Чтобы не выдать неловким словом невзначай Очарование дивным своим интервентом.

Элегия № 743224

Туманом на солнце – бельмо наползает на глаз, И корчится стойкость в тисках исполинского змея. Хотел бы на всё положить – но положено класть; Вердикт – утешением тяжким: распнут, но позднее. Оратор искусный так вновь пробуждает толпу, Но собственный голос – за гулом овец – не слышит: Агония веры рождает иную тропу, Где праведность – суть заблуждений, ниспосланных свыше. И капли дождя разлетаются оземь, как сон Случаи рассвета – о думы, урюжей вчерашних; Но снова Судьба надевает дежурный камзол И кротко встаёт за спиной – что незыблемый стражник.

Элегия № 401060

Я знаю наперёд, какой сегодня час. Тропа ведёт к ручью, как путаница – к строю. Извечный до поры вопрос – когда начать – В мечтаниях моих поблёскивал искрою. Воздушный замок был со временем дотла Сожжён её огнём – разросшимся, как печень. Достоинство оценить кострище не смогла

Душа, которой впрок кормиться стало нечем. Так лопнул паралич – тугая скорлупа, Которую прорвал потребности зов капризный, – И выскользнула вон волнистая тропа, Ведущая к ручью – как смерть приводит к жизни.

Всему виною – может быть – усталость, Отсутствие спасительного сна, Но для меня внезапно оказалась Иллюзия реальности равна. Поэтому решением фатальным, Хоть предостерегаем был сто крат, Твой образ – изначально идеальный – Ещё и возвести сумел в квадрат. Сомнительно, что наш Господь конечен, Но всё-таки возможно, коль теперь – Цитата – серафимам ставят свечи. Кому молиться, если не Тебе? Ты, верно, посмеёшься над поэтом: Убога, мол, фантазия твоя. Конечно же, не ново – но и в этом Мне видится цикличность Бытия: Так образует круг любой отрезок – Твоим же, впрочем, согнутый умом; Так Небо и воинственная Бездна Сливаются в стремлении одно. И всё, что сделать мне теперь осталось, – Отдать свой долг Поэзии сполна... Мой ангел, мой мираж, какая жалость – Иллюзия реальности равна!